

Сергей Сорочан*

О ХРАМОВОМ ДЕКОРЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ В VI – X ВЕКОВ

Храм в Византии не считался законченным без создания интерьерной декорации, отделки изнутри его полов, стен и сводов, чему уделялось куда большее внимание, нежели внешнему облику зданий, который оставался сравнительно сухим. Можно согласиться с Робертом Остерхаутом, что именно отделочные материалы и чтимые изображения были для византийцев “...главным элементом в оценке конечного продукта”¹.

Остатки мраморных архитектурных деталей IV - V, VI - VII, VII - VIII, IX - X столетий, стволов, баз, капителей колонн, алтарных преград, междунэфных плит баллюстрад, облицовочных плит, мозаичных полов, настенных, конховых или купольных мозаик и фресок указывают на богатство и нарядный облик херсонесских христианских храмов ромейского Херсона, одного из самых значительных византийских центров на территории Крыма². Поддержание их стимулировало ремесла провинциальных камнерезов, даже в тех случаях, когда они еще работали под руководством приезжих ранневизантийских мастеров, особенно с Проконисса, а также зографов – художников, мастеров мозаичного дела. Последние искусно работали с местным материалом (камнем, керамикой, мрамором) и знали секреты смальты, ее серебрения и золочения, то есть вставки в прозрачное стекло тессер соответствующей фольги. Как и мраморная облицовка, мозаичная декорация требовала больших денежных вложений и организованной системы производства, видимо, связанной с промышленным производством стекла³. К слову, изготовление смальты расширяет ассортимент местных стеклоделов, которые поставляли также оконное круглое стекло в виде дисков диаметром до 18 см⁴. Следует подчеркнуть, что находки фрагментов

* Сорочан Сергій Борисович – доктор історичних наук, професор, зав. кафедри історії стародавнього світу і середніх віків Харківського національного університету ім. В. Каразіна.

¹ *Остерхаут Р.* Византийские строители / Пер.: Л.А. Беляев; ред. и коммент.: Л.А. Беляев, Г.Ю. Ивакин. – Киев – Москва, 2005. – С.248.

² *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 63. – 1959. – С.132-152; *Беляев С. А.* Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса. (К вопросу об интерьере херсонесских базилик) / С. А. Беляев // Византийский Временник. – Т.48. – 1987. – С.142-152; *Бернацки А. Б.* К вопросу об окончательном этапе обработки архитектурных деталей из проконесского мрамора в Херсонесе Таврическом / А. Б. Бернацки // Византийский семинар ХЕРСОНОС ТЕМАТА: “империя” и “полис”. Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2009. – С.12 - 13; *Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Tauryzdzkiego* / Pod red. Andrzej B. Biernacki. – Poznań, 2009.

³ *Остерхаут Р.* Византийские строители. – С.253.

⁴ *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках дома IV - III вв. до н.э. во II квартале северо-восточного района Херсонеса в 1979 году // Архив Национального заповедника “Херсонес Таврический”. – Д. № 2136. – Л.13, рис.37.

последних достаточно часты во время раскопок города и составляют контраст с обычной редкостью таких материалов в иных византийских центрах, видимо, хуже изученных. Учитывая уровень херсонского стеклоделия, едва ли была необходимость везти всю смальту со стороны, хотя часть ее, действительно, могла быть привозной.

Все эти материалы не служили предметом специального комплексного изучения исследователей, занимавшихся раннесредневековым Херсоном, и в лучшем случае рассматривались вне контекста. Менее всего обработан и проанализирован мраморный декор храмов, его семантика, символика, иконографическая программа, типы облицовки, только начата реконструкция форм литургических устройств (амвонов, алтарных преград, подпрестольных отверстий для вложения мощей), хотя наиболее выразительные находки обобщены, типологически и хронологически классифицированы⁵. Намечены также география распространения в Таврике позднеантичной продукции мрамороломен Проконисса (о. Мармора, современный турецкий город Сарайляр) и других источников, основные направления потоков их экспорта в понтийский регион, в том числе в ранневизантийский Херсон⁶. В частности, выяснено, что местным заказчикам поступали транспорты с мраморными полуфабрикатами архитектурных деталей и элементов, которые разгружались с судов под надзором сопровождавших их высокклассных проконисских мастеров по мрамору и эти мастера уже на месте доводили до конца последние фазы обработки, а также руководили группой местных ремесленников, делавших завершающую обработку менее сложных элементов интерьера⁷. Но к ранневизантийским мраморам Херсона только в последнее время стали относиться более внимательно, пытаясь прежде всего определить место тех или иных элементов, фрагментов в литургическом устройстве⁸.

Даже мозаикам, наиболее цельным памятникам, дававшим представление о существенной стороне внутреннего интерьера храма, не было уделено должного внимания, а некоторые из них вообще остались неописанными. Ис-

⁵ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С.131-152; Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Taurydzyckiego / Pod red. Andrzej B. Biernacki. – Poznań, 2009.

⁶ Bortoli-Kazanski A. La repartition du marbre de Proconnesse en Crimée à l'époque paleochrétienne // *Geographica Byzantina*. – Paris, 1981 (*Byzantina Sorbonensia*, 3). – P.55-65; Barsanti C. L'exportazione di marmi dal Proconneso nelle regione pontiche durante il IV - VI secolo / C. Barsanti // *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*. Serie 3. – T.12. – 1989. – P.91-220; Skoczylas J., Zyromski M. The Marble Elements in Medieval Churches in Chersonesos / J. Skoczylas, M. Zyromski // *Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. VIII Международный Крым. конф. по религиовед. Тезисы докладов и сообщений*. – Севастополь, 2006. – P.49-50; Бернацки А. Б. К вопросу об окончательном этапе обработки архитектурных деталей. – С.12-13.

⁷ Бернацки А. Б. К вопросу об окончательном этапе обработки. – С.13.

⁸ Ср.: Pelz A. Die frechristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos (Krim) // *Mitteilungen zur christlichen Archäologie*. – Bd.5. – Wien, 1998. – S.45-78; Бернацки А. Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья / А. Б. Бернацки // *Церковная археология Южной Руси*. – Симферополь, 2002. – С.69-82; Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonozu Taurydzyckiego / Pod red. Andrzej B. Biernacki. – Poznań, 2009.

ключение составляет очерк А. Л. Якобсона, относящийся к мозаичным полам города, по словам самого автора, неполный, и некоторые наблюдения как общего, так и частного характера, предложенные М. Лейтер, Н. И. Барминой, Ю. Л. Шаповой, О. Г. Рудаковой, Н. Н. Болговым и особенно О. И. Домбровским⁹. Последний единственный, кто оставил специальную монографию, посвященную средневековым мозаикам Херсона. Она не охватывает весь круг памятников, но безусловно концептуальна и ценна глубиной, подробной разработкой херсонских материалов. Оценка мозаик и мраморных архитектурных деталей Херсонеса, недавно предпринятая Э. Ястжебовской, носит библиографический характер и к тому же акцентирована преимущественно на более известных позднеантичных (раннехристианских) памятниках¹⁰. В свое время А. Л. Якобсон пришел к выводу, что херсонские мозаичные полы укладываются в круг известных византийских провинциальных памятников Греции, Македонии, Фракии, Малой Азии (Милет и Эфес) и их можно объединить в одну стилистическую группу, укладывающуюся в период правления Юстиниана I. Н. Н. Болгов без достаточных оснований относит большинство таких полов к концу V и VI вв.¹¹. По мнению же О. И. Домбровского, подавляющая часть мозаик была разновременной и, самое главное, выполнена в гораздо более позднее время. Видимо, этой же точки зрения придерживается Н. И. Бармина, относящая мозаики херсонских храмов к эпохе иконоборства и к X в.¹², что входит в противоречие с имеющейся периодизацией культового строительства в этом византийском центре. Вопросы же изменения декора, убранства интерьера общественных сооружений в эпоху “темных веков” исследователи, по сути дела, вообще обошли молчанием, исключив их из системного историко-археологического, культурологического и искусствоведческого анализа, который еще предстоит проделать. Между тем именно уточнение хронологии

⁹ *Лейтер М.* Из материалов по изучению мозаичных полов Херсонеса Таврического / М. Лейтер // Мистецтвознавство. – Харків, 1928. – 36. 1. – С.53-64; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С.222-247; *Домбровский О. И.* О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса / О. И. Домбровский // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С.40-42; *Его же.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, В.А. Кутайсова. – Poznań, 2004; *Шапова Ю. Л.* Новые данные о ранневизантийских мозаиках / Ю. Л. Шапова // Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма, 20-24 сентября 1983 г. (Архив Национального заповедника “Херсонес Таврический”. – Д. №2385. – 28 л.); *Рудакова О. Г.* Символика мозаичных полов Херсонеса Таврического / О. Г. Рудакова // История глазами молодых ученых. – Т.1. – Донецк, 1999; *Болгов Н. Н.* К проблеме интерпретации изображений ранневизантийских мозаик Северного Причерноморья / Н. Н. Болгов // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С.38-48; *Его же.* Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV - VI вв. – Нижний Новгород, 2002. – С.60-65; *Бармина Н. И.* Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом контексте / Н. И. Бармина // Античная древность и средние века. – Вып.34. – Екатеринбург, 2003. – С.117-119.

¹⁰ *Jastrzebowska E.* Chersonese dans l'Antiquite tardive: etat de recherches et bibliographie / E. Jastrzebowska // Antique Tardive. – Т.9. – 2001. – P.399-418.

¹¹ *Болгов Н. Н.* К проблеме интерпретации. – С.41

¹² Ср. *Бармина Н. И.* Декоративное убранство крымских базилик. – С.119

церковного строительства в раннесредневековом Херсоне, предпринятое в последнее время, позволяет внести уточнения в имеющиеся наблюдения и предложить предельно сжатую систематизацию материалов такого рода, которая, надо надеяться, может привести к новым прогрессивным научным идеям и выводам.

Главный кафедральный епископский кафоликон города и большинство его филиалов - прочих базилик, воздвигнутых преимущественно в период со второй половины VI в. до 40-х гг. VII в., имели мозаичные полы. Это вполне объяснимо их дешевизной, по сравнению с мощением мрамором, даже в качестве споллии (*spolia*). В Уваровской базилике (№23), отождествляемой с главным храмом города – Свв. Апостолов Петра и Павла, построенном не ранее третьей четверти VI в., они были в коридоробразном проходе к экзонартексу, в самом экзонартексе (узор из пересекающихся кругов), нартексе (мотив из квадратов и ромбов с мелкими квадратами внутри), северном нефе (возможно, пересекающиеся, сплетенные круги и волнообразно выходящая лоза) и южном нефе (западная часть – ковровый узор из плетенных кругов, внутри которых помещена восьмилепестковая розетка тройной расцветки с черным крестом и все это обрамлено вдоль стены выходящей красной лозой на желтом фоне; восточная часть – большой центральный квадрат со сложным геометрическим рисунком в виде “сегнерова колеса” и пять рядов восьмигранников, внутри каждого из которых черный крестик)¹³. Напольная мозаика была в нартексе, боковых неффах и частично в главном неффе Восточной базилике, но о ее рисунке сказать невозможно¹⁴. Зато она подробно описана для возведенной, скорее всего, в первой половине VII в. базилики 1935 г., где в нартексе и обоих боковых неффах можно было видеть излюбленный орнамент в виде “паркета” (“елки”) из зигзагообразно идущих полос или пересекающиеся круги, окаймленные бордюром из лозы с красным или черным стеблем с сердцевидными листьями, очевидно, плюща¹⁵. Не менее подробно представлен мозаичный пол в соседней базилике

¹³ Архив Национального заповедника “Херсонес Таврический”. – Р-1. – Д. № 136 / 2. – Л. 142-146 (зарисовки М.И. Скубетова); Уваров А. С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях 1853 г. – Санкт-Петербург, 1855. – С. 167; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году / К. К. Косцюшко-Валюжинич // Известия Археологической комиссии. – Вып. 4. – 1902. – С. 67 (рис. эстампажа западной части мозаики южного нефа); Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 232-236, рис. 122-124; Домбровский О. И. О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса. – С. 41-42; Его же. О хронологии “Базилики Уварова” / О. И. Домбровский // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3-4. – С. 22-23, рис. 2-4, прим. 23 (согласно оригинальному мнению исследователя, построенному на тонком наблюдении, мы имеем в южном неффе мозаики двух периодов – раннего, обнаруженного К. К. Косцюшко-Валюжиничем в его западной оконечности, и более позднего, лежавшего на 0,70 - 0,75 м выше в восточной части нефа, открытого во время первоначальных раскопок А. С. Уварова).

¹⁴ Айналов Д. В. Развалины храмов / Д. В. Айналов // Памятники христианского Херсонеса. – Вып. 1. – Москва, 1905. – С. 44; Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С. 166; Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 227

¹⁵ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. – Симферополь, 1938. – С. 101-107; Домбровский О. И. Византийские мозаики Херсонеса Таврического. – С. 43, 57 (по мнению исследователя, культурные отложения и строительные остатки, заложенные под

1932 г., построенной, очевидно, несколько позже базилики 1935 г., скорее всего, к 640-м гг.¹⁶. Во всех ее нефях были выложены несколько отличающиеся друг от друга по рисунку и величине, а значит, разновременные ковровые узоры из пересекающихся кругов с ромбами внутри, обведенные бордюром из волнообразно вьющегося красного стебля с сердцевидными листьями, а по сторонам вимы (алтарного святилища) – дорожки из пересекающихся кругов¹⁷. Особым богатством мозаичного декора отличалась ранняя, построенная во второй половине VI в. “базилика в базилике” и ее крещальня¹⁸. Полы главного нефа украшали зигзагообразные, ритмично повторяющиеся полосы, а нартекс и боковые нефы – орнамент из перекрещивающихся кругов, бордюры в виде вьющегося стебля с сердцевидными листьями, плетенки, сплошной узор из ромбов, треугольников, квадратов, прямоугольников, в каждом из которых находилась птица, канфар, ромб с надетым на него кольцом, якорь, хорошо известные в христианской символике. По сторонам выступа вимы были сделаны полосы с изображением птиц, фруктов – символов рая¹⁹. Примечательно, что в отличие от мозаик других базилик, здешнему орнаменту была придана реалистичность и даже предпринята попытка отразить в рисунке теневые моменты²⁰. Возведенная несколько позже, в конце VI - начале VII вв., и примерно одинаковая с ней по размерам ранняя “базилика на холме” (№14), имела более скромный декор пола из перекрещивающихся кругов, окаймленных вдоль стен боковых нефов уже встречавшейся волнообразной линией - лозой с сердцевидными листьями, которые иногда по ошибке исследователи называют “виноградными”²¹. Центральный неф, видимо, был выложен каменными или мраморными плитами, но нартекс украшали по бокам два больших мозаичных квадрата с вписанными кругами, в которых была помещена еще более сложная геометрическая фигура. Наконец, одна из самых крупных базилик Херсона – Западная (№13), входившая в возведенный не ранее конца VI в. комплекс городского монастыря, известного из агиографических источников, как “дом св. Леонтия”, имела в южном боковом нефе сплошной мозаичный ковровый узор в виде “паркета”, как в левом нефе базилики 1935 г., окаймленный полосой, где на желтом фоне шла волнообразная линия стебля с ответвляющимися сердцевидными листьями. В других местах мозаичный пол не сохранился, но в главном нефу по сторонам выступа вимы были устроены мозаичные дорожки с распространенным рисунком из пересекающихся кругов, а в самой виме выложен мозаичный круг

полом, показывают, что мозаика относится ко времени не ранее X в., а возможно и позже, учитывая находку в субструкции мозаики южного нефа монеты с монограммой “ро”).

¹⁶ Подр. см.: *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Ч.2. – Харьков, 2005. – С.726-731.

¹⁷ *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – № 4. – 1941. – С.225-227, рис.44, 45.

¹⁸ *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – Ч.2. – С.735.

¹⁹ *Бертъе-Делагард А. Л.* Древности южной России. Раскопки в Херсонесе. – С.31-33, табл. I, V-VII; *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес - Херсон - Корсунь. – Киев, 2003. – С.164-165.

²⁰ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С.230

²¹ *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Указ. соч. – С.170; *Романчук А. И.* Очерки. – С.223.

с четырьмя крестообразно расходящимися лучами внутри него²². Богатым мозаичным покрытием отличался базиликальный храм “А” (1904 г.), входивший в единый архитектурный план епископального комплекса на северо-восточном берегу, а значит, возведенный не раньше Уваровской базилики в конце VI - начале VII вв., причем в его алтаре тоже был выложен из разноцветных мраморных плиток очень похожий круг с крестом в виде расходящихся лучей²³. Видимо, мы сталкиваемся в этих случаях со следами труда одной корпорации, артели или эргастирии мастеров, чем объясняется поразительная схожесть черка сделанного.

Подобные настенные работы встречались, судя по всему, гораздо реже, хотя они идеально подходили для украшения криволинейных поверхностей сводов и с точки зрения техники подготовки, нанесения слоев штукатурки, напоминали фреску. Так, с уверенностью можно говорить о мозаике, причем достаточно поздней, с позолотой, в конхе главной апсиды базилики №28 на большой агоре²⁴. Видимо, она была и в алтарной апсиде Уваровской базилики²⁵. Смальта зеленого, желтого, красного, синего и голубого цветов, а также с позолотой, создававшей эффект маленьких зеркал, в большом количестве была найдена при раскопках базилики X в., входившей в виде гарнизонной трехапсидной церкви с баптистерием в комплекс позднего византийского претория в “цитадели”²⁶. Это наглядно демонстрирует новый расцвет мозаичного искусства после периода иконоборства²⁷.

Среди иного типа культовых общественных сооружений мозаика обнаруживается на полу двухкамерной северной пристройки к нартексу Уваровской базилик, которая, возможно играла роль не “мавзолея”, а скевофилаксия (от узора из крупных кубиков здесь сохранился лишь бордюр с характерным волнообразно вьющимся стеблем плюща)²⁸. Мозаика прослеживается на полу прямоугольного притвора перед главными западными дверями и на полу южного помещения или портика (из крупных, в четыре раза больше обычного кубиков – *opus sectile*?), а также в конхе восточной ниши-апсиды отдельно стоящего баптистерия (№24) рядом с Уваровской базиликой²⁹. Эта крещальня вообще

²² *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С.226 (исследователь называет листья бордюра “виноградными”); *Бармина Н. И.* Мозаика Западной базилики // *Античная древность и средние века.* – Сб.3. – Свердловск, 1965. – С.169, рис.1 (кроме “листьев плюща” автор отметила “грозди винограда, плоды”, на фотографии мозаики не представленные); *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Указ. соч. – С.175.

²³ *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Указ. соч. – С.123

²⁴ Там же. – С.98.

²⁵ *Болгов Н. Н.* К проблеме интерпретации. – С.41.

²⁶ *Романчук А. И.* Очерки. – С.233.

²⁷ Подр. см.: *Демус О.* Мозаики византийских церквей. – Москва, 2001.

²⁸ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С.237.

²⁹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С.92; *Его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году / К. К. Косцюшко-Валюжинич // *Известия Археологической комиссии.* – Вып.20. – 1906. – С.49; *Бертъе-Делагард А. Л.* О Херсонесе. Крестообразный храм. – Крещальня. – Крепостная ограда / А. Л. Бертъе-Делагард // *Известия Археологической комиссии.* – Вып.21. – 1907. – С.81; *Завадская И. А.* Баптистерии Херсонеса / И. А. Завадская // *Материалы по археологии, истории*

выделялась самым изысканным вариантом покрытия стен в интерьере плитами из мрамора, которые крепились железными штырями: отверстия от них видны до сих пор³⁰. Такое покрытие никогда не закреплялось вплотную к поверхности кладки из-за ее неровности и необходимости зазора для просушки³¹. Аналогичную облицовку в Херсоне можно предполагать лишь в Восточной базилике (№36), возведенной к концу VI в., которая достаточно уверенно идентифицируется с житийным храмом апостола Петра на месте, издавна именуемом херсонеситами Парфенон (Парфенеон)³².

Видимо, смальтой был выложен изнутри и купол баптистерия, на котором, исходя из цветового решения в ее подборе, был изображен золотой крест, а может быть, и звезды на синем фоне, олицетворявшем небеса³³. Мелкие кубики смальтовой мозики оказались и в шурфе в центре храма Богородицы Влахернской, в подсыпке между первоначальным и мозаичным полом здания³⁴. Очевидно, ею были украшены коробовые своды и купол, до того как во время второго строительного периода, видимо, к концу VI в., он был заменен иным перекрытием³⁵.

Здесь же, в трех ветвях этого крестовидного храма, входившего в комплекс загородного Влахернского монастыря, была представлена наиболее роскошная напольная мозаика. Судя по преобладанию нескольких тысяч кусочков смальты синего и голубого цвета, потолок алтаря тоже был украшен изображением небесного свода, символизируя тематику христианской Вселенной. На основном, центральном квадрате пола, явно игравшем в композиции особую роль, был изображен огромный канфар – символ важнейшего церковного таинства, Евхаристии, а у подножья его выложены два обращенных друг к другу павлина – символы бессмертия, загробного Воскресения к вечной жизни. Из канфара произрастают две виноградные лозы, листья и гроздь которой отличаются необычной конфигурацией, геометрически вписанной в квадрат. Еще одна чаша с сидящими на ее краю парой голубей – символами чистоты, невинности и человеческой души, питаемой божественной любовью из источника вечной жизни (канфара, потира), представлена в круглом медальоне-“омфалии”, вписанном в квадрат. Виноградные грозди здесь тоже выполнены весьма оригинально, волнообразно охватывая чашу снизу. Эта реплика центральной темы

и этнографии Таврии. – Вып.9. – 2002. – С.253, 255-256.

³⁰ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес. – С.125.

³¹ Ср.: Остерхаут Р. Византийские строители. – С.249-250.

³² Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес. – С.116-118; Сорочан С. Б. О базилике апостола Петра и храмовом комплексе Восточной площади византийского Херсона / С. Б. Сорочан // Византийский Временник. – Т.65 (90). – 2006. – С.223-230.

³³ Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес. – С.125; Домбровский О. И. О хронологии “Базилики Уварова”. – С.27.

³⁴ Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса / О. И. Домбровский // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып.3. – 1993. – С.299.

³⁵ Сорочан С. Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богородицы Влахернской / С. Б. Сорочан // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С.38-39.

занимает южную ветвь храма, перед входом в небольшой баптистерий, и находится точно над гробницей (склепом №1406), устроенной одновременно с крестовидным мемориумом. По мнению Л. Г. Хрушковой, таким образом заказчиком, соединившим символизм евхаристический, крещальный и погребально-поминальный, могла быть отмечена могила основателя или ктитора храма³⁶. Прочее пространство пола представляет собой узор коврового характера в виде более мелких мозаичных кругов, плетенчатых медальонов с изображением птиц, животных, рыб, плодов, геометрических фигур в виде ромба или креста, как в розетках и восьмигранниках Уваровской базилики, и окаймлено сплошным широким бордюром в виде вьющейся волнистой лозы с сердцевидными листьями³⁷. По своей композиции, стилю, уровню исполнения, расцветке, рельефности некоторых рисунков, связанная с христианской символикой и идеей благополучия, плодородия фигуративная ковровая мозаика храма Богородицы Влахернской выдает руку опытного мастера, наиболее близка к созданному мозаичистами города в ранней “базилике в базилике” и, как указано выше, возможно, выполнялась одной артелью почти в одно время, близкое к юстиниановской или постюстиниановской эпохе, то есть концу VI - первой половине VII вв.³⁸.

Видимо, в несколько более раннее время, судя по характеру исполнения, тщательно подготовленным, мелкодисперсным субструкциям, в которые для прочности включили даже мраморную пыль, был украшен фигуративной напольной мозаикой размерами 3,22 x 2,78 м баптистерий, вероятно, “процессионного” типа, устроенный на месте помещений северной галереи “базилики в базилике”. Перед его купелью были выложены павлин с распущенным хвостом и двумя птицами (куропатками?), обращенными друг к другу, а также по голубю в двух небольших кругах - омфалиях³⁹. Примечательно, что мозаика здесь тоже

³⁶ Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище / Л. Г. Хрушкова // Сугдейский сборник. – Вып.2. – Киев – Судак, 2005. – С.407, 410, рис.11.

³⁷ Яковсон А. Л. Указ. соч. – С.237-240; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С.23-24

³⁸ См.: Завадская И. А. Еще раз о датировке загородного крестообразного храма и его мозаики / И. А. Завадская // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С.54, 55; Бармина Н. И. Декоративное убранство крымских базилик. – С.118; Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического. – С.403, 407-411. Относить этот мозаичный ковер к некоему завершающему этапу мозаичного творчества херсонитов и датировать его XII-XIV вв. противоестественно, хотя О. И. Домбровский настаивал на этом, подчеркивая находки фрагментов керамики этого времени именно в субструкции мозаики (Домбровский О. И. Византийские мозаики. – С.65, 78). Подтвердить или опровергнуть это ныне невозможно, поэтому приходится опираться на логику развития строительных периодов данного комплекса и анализ изображений “эмблем” мозаичного пола, которые входят в несомненное противоречие с таким утверждением. Несколько обломков поливной керамики действительно могут быть свидетельствами позднейших ремонтов, но едва ли связаны с “неоднократным посещением пространств под церковью не только грабителями, но и паломниками”, как предположила Л.Г. Хрушкова (с.403). Стремясь прикоснуться к гробницам, они не крушили пол. Не попадешь под него и из подземного мартырия.

³⁹ Яковсон А. Л. Указ. соч. – С.230-231; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ.

лежала на толстых слоях цемянкового раствора, настеленного поверх крупных камней, а в аморфном культурном слое под ней оказалась монета императора Анастасия Дикора (491 - 518), тогда как под более поздним мозаичным полом северного нефа базилики были обнаружены две монеты Юстиниана I⁴⁰.

Из других крупных сооружений, сохранивших следы мозаик, следует особо отметить тетраконхальный купольный теофанический меморий (№47), воздвигнутый херсонитами в последней трети VI в. в память о чуде епископа Капитона⁴¹. На полу его западной экседры сохранились следы ранней фигуративной мозаики: павлин с распущенным хвостом, справа от него вверху – другая птица, видимо, голубь, справа внизу – орел с распущенными крыльями – христианский символ высоты епископского учения, и все это “среди извивающегося растительного орнамента с черными трилистниками и красно-желтыми гроздьями”, то есть изображения виноградной лозы⁴². Такие же круги с миндалевидными сегментами и бордюр с изображением вьющегося стебля с виноградными листьями (но с красным контуром и белыми мозаичными кубиками внутри) обнаруживаются на мозаичном полу из крупных кубиков в алтарной части церкви, устроенной, вероятно, не ранее IX в. в оконечности южной галереи Западной базилики⁴³. Мозаичный пол был в северном боковом помещении (пастофории) – професисе, диаконике или мемории, пристроенном, исходя из общей последовательности строительства, в VII - VIII вв. к крестовидному храму №27 на агоре, который можно интерпретировать как церковь Св. Василия⁴⁴. Наконец, мозаикой украшали и полы мавзолеев, на что указывает сооружение с апсидой, двумя смежными помещениями и подземным, вырубленным в скале склепом в оконечности южной галереи Уваровской базилики, к которой, возможно, относилась мозаичная напольная надпись - эпитафия с упоминанием Малха “и всех сродников его”, а также гробничная церковь - мавзоль (№12 или “часовня Г”) над склепом Св. Василия, входившая в комплекс монастыря Св. Леонтия на северо-западной оконечности города⁴⁵. Примечательно,

соч. – С.165-166.

⁴⁰ Домбровский О. И. Византийские мозаики. – С.49; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Ч.2. – С.735.

⁴¹ Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С.199.

⁴² Лепер Р. Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906-1909 гг. // Известия Археологической комиссии. – Вып.42. – 1911. – С.94-96; Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под. ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клевиной, С.Г. Рыжова. – *Roznai*, 2004. – С.49; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Ч.2. – С.851-856.

⁴³ Якобсон А. Л. Указ. соч. – С.236; Бармина Н. И. Мозаика Западной базилики. – С.169-170, рис.2; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С.180; Романчук А. И. Очерки. – С.222; Домбровский О. И. Византийские мозаики. – С.60.

⁴⁴ Айналов Д. В. Указ. соч. – С.56, 60, рис.42; Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона / С. Б. Сорочан // Византийский Временник. – 2009. – №68 (93). – С.170-193.

⁴⁵ Уваров А. С. Извлечение из всеподданейшего отчета об археологических находках в 1853 году. – Санкт-Петербург, 1855. – С.159, 167-158 (см. на плане восточный конц южной галереи Уваровской базилики); Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // Отчеты археологической комиссии за 1891 год. – Санкт-Петербург, 1894. – С.13; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Указ. соч. – С.130, 172-181; Домбровский О. И. О хронологии “Базилики Уварова”. – С.25 (мелкие камешки от мозаичного набора и измельчивший-

что рисунок и стиль исполнения мозаичных полов последней, по наблюдению К. К. Косцюшко-Валюжинича, тоже совпадал с Увровской базиликой, то есть соответствовал типам византийских мозаик второй половины VI - начала VII вв.

Технология выкладки напольных мозаик предусматривала подтеску или выравнивание предназначенной для этого поверхности (как в западной оконечности южного нефа Уваровской базилике или в крещальне “базилики в базилике”), ее утрамбовку (как в базилике №15) или подсыпку песка (как в храме Богоматери Влахернской), щебенки из каменной и мраморной крошки (как в базилике 1935 г.)⁴⁶. Саму мозаику как правило укрепляли с помощью сплошной, довольно толстой (от 2 - 4 до 10 см) заливки цемянкой. Хотя в ход пускали мозаичные кубики только четырех основных цветов (белый, светлый – из мрамора, темно-красный, красный и розовый – из кирпича и из местного известняка соответствующего оттенка, желтый – из местного известняка, черный, темный - из балаклавского, плохо сохранившегося песчаника) и редко, для достижения более яркого эффекта, дополняли их отдельными тессерами смальты, сочетание получалось вполне выразительным, обычно в два, реже - три контрастных тона. Иногда разнообразие достигалось различным размером мозаичных кубиков, как это было сделано в южном нефе “базилики в базилики”.

Вероятно, жесткий отбор цветов имел свой смысл, поскольку за белым цветом в христианстве стоял символ Бога Отца и святых девственниц, за красным – Божественный Огонь, кровь Христа и мучеников, за желтым – Божественный Свет, слава, плодородие, доброта, за черным – сокровенные тайны Божьи. Из посправа ногами херсонитами исключался зеленый цвет – цвет Св. Духа и Троицы, синий – цвет неба и чистоты, истины, фиолетовый – цвет покаяния, глубиной привязанности и печали, а также серый цвет – символ телесной смерти и духовного бессмертия⁴⁷. Зато они присутствовали в настенном и купольном декоре из смальты. Таким образом, имевшая здесь место психология цвета была тесно связана с христианской психологией, ежечасно несла мощную смысловую нагрузку, напоминала о Боге, его тайнах, Огне и Свете. Кроме того, условные, схематичные, “геральдические” изображения животных, птиц, рыб и прочих фигуративных образов, эмблем в медальонах вполне могли исполнять, кроме прочих, и апотропеические функции, подобно тому, как это осуществляли византийские амулеты – филиakterии, периапты⁴⁸. Но, вообще, надо

ся строительный раствор были обнаружены при исследовании в 1953 г. именно в апсиде маририи в восточной оконечности южной галереи Уваровской базилики); *Сорочан С. Б.* О храме Созонта, “доме св. Леонтия” и маририи св. Василия в раннесредневековом Херсоне / С. Б. Сорочан // *Античная древность и средние века*. – Вып.34. – Екатеринбург, 2003. – С.146-173. Датировка мемориальной мозаичной надписи с поминанием Малха неверно отнесена опубликовавшим ее В. В. Лагышевым к X в., на что указал уже А. Л. Якобсон и что не принял во внимание О. И. Домбровский (*Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С.237; ср.: *Домбровский О. И.* О хронологии. – С.29).

⁴⁶ *Домбровский О. И.* Указ. соч. – С.22; *Якобсон А. Л.* Указ. соч. – С.222.

⁴⁷ См.: *Сайгушкина Т. П.* Символика цвета в христианском искусстве / Т. П. Сайгушкина // *Символ в философии и религии. Тезисы докл. и сообщ.* – Севастополь, 2004. – С.40.

⁴⁸ Подр. см.: *Spier J.* Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition / J. Spier // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. – Vol.56. – London, 1993. – P.25-62; *Барабанов Н. Д.* Византийские филиakterии. Специфика арсенала // *Античная древность и*

учесть, что практически почти любой мирской, даже явно языческий (лишь бы не эротический) сюжет, оказавшись он по прихоте мастера или заказчика в мозаике церковного пола, мог тут же получить вероисповедально-символическое значение – для этого было достаточно ввести в композицию соответствующий христианский символ, например, крест, как это мы видим на мозаичном полу Уваровской базилики (храма Св. Апостолов Петра и Павла) или загородного монастырского крестовидного храма Богородицы Влахернской.

Очевидно, основная масса мозаичных работ, как и работ по мрамору, была выполнена в Херсоне в период наиболее интенсивного общественного и жилого строительства, пришедшегося на конец правления Юстиниана I и время его ближайших трех – четырех преемников. Во всяком случае, восемь – девять из 12 базилик, появившихся в это время, имели мозаичные украшения, в том числе – семь-восемь – пола. Не были оставлены без них и прочие типы храмов – крестовые, тетраконхи, их притворы, пастофории, а также мартирии, крещальни, чье возведение укладывается в период второй половины VI – первой половины VII вв. или даже может быть в ряде случаев сужено преимущественно до последней трети VI – начала VII вв. Это было время, когда фигуративные изображения стали окончательно вытесняться геометрическим орнаментом. Не случайно, мы имеем лишь четыре выразительных случая первого типа (мозаики “базилики в базилике” и ее баптистерия, храма Богородицы Влахернской и теофанического мартырии Св. Капитона) при подавляющем преобладании второго типа. Стилистически, композиционно они весьма близки, что особенно заметно на примере наиболее частого использования сюжета геометрического рисунка в виде пересекающихся кругов, “паркета”, кругов с миндалевидными сегментами, волнообразно вьющейся лозы с сердцевидными листьями, крестов различной формы. Следует напомнить, что изображать последние на полу, как это было сделано в храме Богородицы Влахернской и Уваровской базилике, стало невозможно после принятия соответствующего запрета на Вселенском синоде 681 г.⁴⁹ Если напольные мозаики отсутствовали, то лишь по причине наличия в храме каменного, мраморного или кирпичного пола. Мозаики устраивали даже рядом с некоторыми наиболее роскошными усыпальницами, как следует из гробницы рядом с храмом Богородицы Влахернской, выложенной кроме того мраморными плитами с рельефным крестом и орнаментом⁵⁰. Так или иначе это были культовые строения. Сооружения иного характера, видимо,

средние века. – Вып.33. – Екатеринбург, 2002. – С.214-227.

⁴⁹ *Троицкий Н. И.* Крест Христа – Дерево Жизни. По поводу открытия крестообразного храма в Херсонесе Таврическом в 1902 году. – Тула, 1904. – С.22. Поэтому, если мы и имеем дело с мозаикой двух периодов в южном нефе Уваровской базилики, оба эти периода укладываются в промежуток между концом VI – третьей четвертью VII вв. и более поздний из них не может быть отнесен ко времени не ранее конца X в., когда, судя по монетам Романа I Лакапина (920-944) в закладе под алтарем, произошло обновление храма, но не его мозаичного настила (ср.: *Домбровский О. И.* Хронология “Базилики Уварова”. – С.25, 29). О том же говорят кресты в “эмблемах” мозаичного пола загородного крестовидного Влахернского храма, оставленные О. И. Домбровским без внимания, но присутствующие на иллюстрациях в его монографии (ср.: *Домбровский О. И.* Византийские мозаики. – С.73, табл.9,в).

⁵⁰ *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес. – С.19.

такой декор не предусматривали. Единственное исключение являются остатки мозаичных полов, прослеживаемые рядом с нартексом в южной галерее Уваровской базилики, где, возможно, размещался епископский протхион⁵¹.

Работы такого рода продолжали выполнять и в X в., примером чему могут являться полы “часовни В” - одноапсидного гробничного придела (парэклесии) в оконечности южной галереи Западной базилики №13 и разноцветная стенная мозаика (смальта), в том числе с позолотой, из трехапсидной церкви комплекса позднего фемного претория в “цитадели”⁵². В периодическом ремонте, обновлении нуждались и более ранние мозаики эпохи “строительного бума”, поскольку они украшали храмы, служившие столетиями, до самого конца раннего средневековья. Их латали или переделывали в испорченных, нуждавшихся в починке местах, как это отчетливо видно в изменении характера орнамента мозаики против средней базы северного нефа и возле двери, ведущей из южного нефа в нартекс базилики 1932 г.⁵³. На 0,3 м выше первоначального мозаичного пола с изображением павлина и орла лежал мозаичный пол из крупных кубиков в виде перекрещивающихся кругов, прослеженный в центре теофанического мемория №47. Он покоился на грубом известково-галечном растворе без примеси цемьянки: таким раствором был покрыт слой мелкого камня, уложенного насухо и прямо на строительный мусор, перекрывавший нижнюю, то есть первоначальную мозаику, которая была выложена на более тонком растворе, притом с примесью цемьянки, как и кладка самих стен мемория⁵⁴. Очевидно, это была переделка, предпринятая не ранее середины IX в., когда восточная часть тетраконха, видимо, перестала использоваться по назначению, судя по находке здесь следов известеобжигательной печи с остатками высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Вообще все поздние византийские мозаики отличаются более крупными размерами “кубиков”, использование клиновидных вставок, применение мелко наколотой черепицы, рыхлая субструкция, менее прочный связующий раствор, который образует своеобразный фон по контуру изображаемого⁵⁵.

Как бы то ни было, каждый второй культовый памятник Херсона (18 из 36 известных к настоящему времени) имел тот или иной внутренний мозаичный декор. Каким бы “аскетичным” и не реалистичным, “упрощенно-провинциальным” с нашей точки зрения являлось его изображение, это было веление эпохи, которому следовали не только мастера Херсона, но и остальной Романии⁵⁶. “Темные века” не знали лучших образцов, впрочем, как и последующие

⁵¹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С.74, 81-82; *Сорочан С. Б.* О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона / С. Б. Сорочан // Сугдейский сборник. – Вып.2. – Киев – Судак, 2006. – С.328-356.

⁵² *Домбровский О. И.* Византийские мозаики. – С.62; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон. – Ч.2. – С.1003-1004.

⁵³ *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. – С.226.

⁵⁴ *Домбровский О. И.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического. – С.27.

⁵⁵ Там же. – С.60.

⁵⁶ Ср.: *Якобсон А. Л.* Указ. соч. – С.240-247; *Бармина Н. И.* Декоративное убранство крымских базилик. – С.119.

времена, включая прославленный “Македонский Ренессанс”.

Значительно труднее сделать заключение, даже предварительное, в отношении фресковой декорации, которая в сравнении с мозаикой была более простой, дешевой и быстрой в изготовлении, но почти не сохранилась среди херсонских церквей. Ее невыразительные следы, встречаемые, к примеру, на среднем уровне стен в Уваровской базилике, ее купольном баптистерии, в загородном крестовидном храме Богоматери Влахернской, относятся, вероятно, к более позднему времени и в лучшем случае были созданы не ранее X-XI вв. Единственным исключением являются фрески подземного мемория Воскрешения в 400 м к западу от города, переделанного из склепа. В его трапецевидной апсиде сохранились изображения голубей, в нишах – павлинов с лавровой гирляндой в клювах, цветки розы, а на правой боковой стене – мужской и женской фигуры, города, и еще одной фигуры, идущей от него, вероятно, сюжет из Житий свв. епископов Херсонских, повествующий о чуде воскрешения отрока епископом Василием. Следует подчеркнуть, что несмотря на переделку, программа росписи здесь прекрасно взаимодействует с архитектурным обрамлением.

Достаточно велико фресковое панно, видимо, среднего регистра, из раннего христианского храма на месте базилики 1935 г. с изображением гирлянд и павлинов, хотя время создания его неопределенно и, судя по стратиграфии здания, укладывается в промежуток между концом IV и VI вв.⁵⁷ Эта находка косвенно подтверждает то обстоятельство, что мозаики и фрески иногда сочетались в одном здании, причем фрески могли размещать как в главных, так и в периферийных его частях, тогда как настенные мозаики – только в главных. В любом случае отбор сюжетов отражал пожелания заказчика, но был ограничен системной тематикой, которая, как установил уже Отто Демус, представляла образы устройства Христианской вселенной, сцены из Ветхого Завета, из жизни Христа и Богородицы, а также цикл основных (Двунадесятых) церковных праздников⁵⁸. Едва ли херсониты существенно отклонялись от такой стандартной программы декорации, хотя установить ее детали пока не представляется возможным ввиду недостаточного количества сохранившихся элементов.

Вторая половина VI в., связанная с развернувшимся массовым строительством кафоликонов, вызвала увеличение поставок мраморного декора в Херсон преимущественно с Пропонтиды (о. Проконисса) и из Константинополя, что явилось продолжением уже хорошо налаженных в предыдущие столетия связей, но привело к отказу от прослеживаемой в IV - V вв. западной ориентации города в стилистическом влиянии⁵⁹. Как показывают исследования, подавляющее большинство баз колонн, обнаруженных на территории города (66 экземпляров), представлено исключительно III-м

⁵⁷ На мой взгляд, относить эту апсидальную постройку с типично христианскими сюжетами напольного и настенного декора (канфар, лоза, павлины), к синагоге, нет достаточных оснований.

⁵⁸ Demus O. *Byzantine Mosaic Decoration*. – London, 1948. – P.14-16.

⁵⁹ Barsanti C. *L'esportazione di marmi dal Proconesso*. – P.91-220; Буйских А. В. Ранневизантийские архитектурные детали из Херсонеса // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Вып.10. – 2003. – С.96.

этапом обработки каменотесов и в таком виде транспортировалась морским путем с Проконисса или из Константинополя. Отказ от последнего этапа обработки мраморных деталей объясняется, скорее всего, отсутствием достаточного количества квалифицированных каменотесов, тем более местных, и особенно было приемлемо в случае, когда в пространствах интерколумний находились мраморные плиты баллюстрад, как например, в базилике 1935 г. или в Уваровской базилике, которые были смонтированы так, что максимально скрывали видимые для прихожан поверхности баз в колоннадах между нефами⁶⁰.

Как и следовало ожидать, с прекращением интенсивного общественного строительства в VII в. добыча мрамора в Византии сократилась, новые мраморолонни в это время не закладывали, имперская мраморная торговля оказалась свернута, хотя добыча известняка, печаника, прочих простых пород камня продолжала вестись⁶¹. Доставало использования сполии, в том числе старых колонн, капителей, балок связей, которые перевозили и устанавливали в случае нужды, причем практики – икодомы вполне справлялись с этой непростой технической задачей⁶². К тому же переход к строительству храмов иной, не базиликальной конструкции – крестовой и крестовокупольной – значительно снизил надобность в архитектурных элементах такого рода. Хватало богатого прежнего достояния, которое не надо было даже обрабатывать, обтесывать, а приходилось лишь изымать при перестройках. Исчезновение двух крайних пар мраморных колонн из нефов Западной базилики и замена их 5-метровыми каменными стенками могли быть отражением именно такой практики “утилизации” ранневизантийских мраморов, которые Роберт Остерхаут образно назвал “сэконд-хэнд”⁶³.

В подобной обстановке ввоз в Херсон ценных пород камня (преимущественно пропонтидского, из мрамороломен Марморы) тоже сократился, но утверждения о том, что он прекратился полностью, не соответствуют действительности⁶⁴. Часть мраморов как и прежде присылалась, видимо, только обтесанными до предпоследних фаз, а завершающая резьба предполагалась на месте. Как установил Жан-Пьер Содини на основе многочисленных примеров из ранней византийской истории, ими не торговали, а везли под заказ конкретных представителей церковных и светских властей, для конкретной постройки⁶⁵. Но не все заготовки удавалось пустить в ход и довести до завершения. К примеру, такими недоработанными кубовидными капителями была вымощена апсида поздней, малой “базилики в базилике”, перестроенной не ранее X в.⁶⁶.

⁶⁰ Бернацки А. Б. К вопросу об окончательном этапе обработки. – С.12.

⁶¹ Ср.: Barsanti C. L'exportazione di marmi dal Proconneso. – P.219; Fischer M. L. Marble Studies: Roman Palestine and the Marble Trade. – Konstanz, 1998.

⁶² См.: Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. – Princeton – New York, 1999. – P.145-150.

⁶³ См.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес. – С.175; Остерхаут Р. Византийские строители. – С.249.

⁶⁴ Ср.: Barsanti C. L'exportazione di marmi dal Proconneso. – P.219 - 220

⁶⁵ Ср.: Sodini J.-P. Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine / J.-P. Sodini // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. – T.1. – Paris, 1989. – P.163 - 186.

⁶⁶ Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – – Вып.4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – Санкт-

Разумеется, эти заготовки были более ранними и послужили в качестве сполли, вторичного строительного материала, не сразу.

Примечательно, что в количественном отношении херсонские провинциальные мраморы VIII - X вв. не уступают предшествующей группе аналогичных архитектурных деталей позднеантичного - ранневизантийского времени⁶⁷. К ним принадлежит ряд крупных коринфских капителей с плоскостным аканфом, некоторые кубовидные капители и большая часть импостных капителей “ионийского” ордера с овами и без них, которые некоторые исследователи без достаточных оснований относили лишь к V-VI вв.⁶⁸. В городе и его округе продолжали стоять храмы с алтарными преградами из мраморных колонок и плит, украшенных как христоматрами раннего варианта (IV – первой половины V вв.), так и более поздними крестами с расширенными концами, так называемые “croix pattee”, которые превалировали в юстинианову эпоху⁶⁹. Как верно заметил С. А. Беляев, по обилию этого материала Херсон не только не уступал, но и подчас превосходил другие провинциальные центры Византийской империи⁷⁰. Для сравнения можно заметить, что даже от Константинополя, наиболее богатого на такого рода памятники, дошло всего лишь около 45 средневизантийских капителей, некоторые из которых тоже сохраняют связь с ранневизантийскими типами и изолированы от своего архитектурного контекста⁷¹.

Здесь предпринимались пусть скромные, но скульптурные работы, как это наиболее отчетливо видно по неоднократно встречавшимся при раскопках храмов, мавзолеев (базилика Крузе, “базилика на холме”, мавзольной церкви “Г” со склепом около Западной базилики) особенно популярным изображениям голубя – символа Св. Духа, выполненного из мрамора или известняка⁷². Не исключено, что такие скульптуры служили прежде всего для алтарной преграды-канцели или темплона, хотя, случалось, их использовали и для амвонов, ограды хоров, епископских тронов⁷³. Подобные находки особенно показательны, учитывая представления византийцев о необратимом падении спроса на работу скульпторов и о ее исчезновении после VII в.⁷⁴ Можно лишь заметить,

Петербург, 1891. – С.19.

⁶⁷ Домбровский О. И. Херсонская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. – Вып.3. – 1963. – С.80.

⁶⁸ Домбровский О. И. Указ. соч. – С.80-81, 83, рис.4.

⁶⁹ Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. – С.26; Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического. – С.404, 415.

⁷⁰ Беляев С. А. Базилика Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) / С. А. Беляев // Византийский Временник. – Т.50. – 1989. – С.178.

⁷¹ См.: Хрушкова Л. Г. Коллоквиум в Афинах об истории и перспективах изучения византийской скульптуры VII - XII вв. / Л. Г. Хрушкова // Византийский Временник. – Т.63 (88). – 2004. – С.283.

⁷² Производство археологических раскопок в Херсонесе // Отчеты археологической комиссии за 1890 год. – Санкт-Петербург, 1893. – С.33; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С.66-67, 70; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2006. – С.550.

⁷³ Ср.: Sodini J.-P. L'ambon dans L'Eglise primitive / J.-P. Sodini // La Maison-Dieu. – Vol.193. – Paris, 1993. – P.39-51; Lowerance R. Byzantine Sculpture / R. Lowerance // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – P.16.

⁷⁴ Ср.: Grabar A. Sculptures byzantines de Constantinople. IV-X siècles. – Paris, 1963; Гийю А.

что семантика и символика этого декора была лишена антропоморфных форм, что, впрочем, является общим местом для скульптуры средневизантийского периода. Специфика же иконографической программы иконоборской эпохи остается для Херсона пока неуловимой.

Разумеется, мраморный декор преобладал в базиликах и крестовидных храмах, но его был не лишен и интерьер небольших мемориев, мартириев, как это видно на примере мраморного порога, а точнее, закладной плиты склепа гробничной церкви – мартирия Св. Василия (“Г”) на территории храмового комплекса Св. Леонтия в северо-западном углу городища⁷⁵. Впрочем, подобное было скорее исключением из правила: известные в Херсоне остатки мартириев и мемориев средневизантийского времени действительно не сохранили мраморных архитектурных деталей, что едва ли случайно. Даже в мартирии Св. Василия алтарная преграда, плиты пола вимы и декоративная скульптура были изготовлены из камня, который должен был контрастировать с входным порогом и, видимо, создавать задуманную, подчекнуто строгую обстановку интерьерной декорации. Очевидно, не знал мраморов и купольный теофанический меморий №47, не взирая на то, что он был воздвигнут в одну пору с массовым строительством херсонских базилик и крестовидных кафоликонов⁷⁶. Может быть, сама близость к месту, где свершилось чудо, где пролилась кровь мученика, где покоилась святая реликвия требовала аскезы и отказа от неуместных в таких случаях украшательства, мишуры мирской суеты? Эта суровая простота должна была оградить будто рамой поражающее величие Бога и подчеркнуть несоразмеримость богатств земных и небесных, устремить мысль к небесам, к жизни вечной.

Усилиями местных мастеров такой интерьер сохранялся и поддерживался из века в век, даже при кардинальных переделках и реконструкциях. При этом мраморные украшения, детали интерьера (плиты перегородок интерколлумниев, канкели, наличники, оконные импосты, карнизы, сандрики и т.п.), мраморные конструктивные элементы (стволы колонн, базы, импосты, капители, архитравы алтарных преград) не очень органично соединялись с кладкой базилик, храмов, преимущественно сложенных из слегка подтесанного и бутового камня на известковом растворе и оштукатуренных. Стены общественных зданий вели преимущественно в системе двухпанцирной кладки из слегка подтесанных камней, часто сполии, с минимальной бутовой забутовкой на известковом растворе и лишь к концу раннесредневекового периода стали сменять этот раствор на глиняный, земляной. Периодические находки известковых ям и следов больших круглых печей для обжига известки свидетельствуют о том, что херсонские икодомы усвоили и долго не забывали римскую технологию строительства.

Существовала ли декоративная разделка швов, роспись внешних стен, оттенение или прочерчивание их краской, остается неизвестным. Пример такой росписи экстерьера являли лишь апсида кафоликаона Св. Апостолов

Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С.360.

⁷⁵ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. – Ч.2. – С.843.

⁷⁶ Там же. – С.851-857.

(Уваровской базилики) и соседний баптистерий, на известковой штукатурке которых сохранились слабые, со следами подновлений красно-коричневые линии, имитирующие прямоугольники-квадры⁷⁷. Скорее всего, такой прием не был широко в ходу, да и сам обычай наружного оштукатуривания общественных зданий укоренился сравнительно поздно, к X в. Внешний аскетизм византийских культовых построек был преднамерен: он символизировал рубище Иисуса Христа, в котором он принял крестную казнь⁷⁸. Впрочем, в городе было около полутора десятков сооружений, сложенных в технике *opus mixtum*, а, как известно, в Византии использовали прием росписи стен под эту кладку⁷⁹. Зато характерной, чем дальше, тем больше, была известная неразборчивость в выборе деталей и почти безразличное отношение к их стилю и отсюда же комбинирование в одном здании разностильных и разнокалберных деталей, обломков мраморных колонн и плит, перенос их из одной разобранной постройки в другую, что порождало, по образному выражению А. Л. Бертье-Делагарда, “архитектурный винегрет”⁸⁰. Все это следует воспринимать не как неумелость, а как порождение практики своеобразной формы византийского проектирования, предполагавшей перестройки, доделки, обновления, изменения или отказ от первоначального замысла строительства в ходе работ, что подтверждает верность концепции Р. Остерхаута⁸¹. Элементы такого даже не вторичного, а многократного использования, споллии, встречаются повсеместно почти во всех поздневизантийских храмах, квартальных церквях-усыпальницах и жилых усадьбах Херсона, куда со временем попало это обильное наследие поздней античности и классических “темных веков”, послужив где вымосткой пола, где перекрытием могилы, где опорой алтаря, а где и просто строительным материалом стен или подставкой под жернова⁸².

Sorochan S. ABOUT THE TEMPLES DECORATION OF BYZANTIAN CHERSON AND ITS EVOLUTION IN VI - X CENTURIES.

⁷⁷ Айналов Д. В. Развалины храмов. – С.12, 19; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – С.156

⁷⁸ Бармина Н. И. Декоративное убранство крымских базилик. – С.114.

⁷⁹ Ср.: Ousterhout R. Master Builders. – P.190.

⁸⁰ Это явление, вообще характерное для раннесредневековой византийской архитектуры, достаточно эклектично относившейся к остаткам всех стилей и времен, в провинциальных городах, подобных ромейскому Херсону, могло усиливаться стремлением к экономии расходов на строительство (см.: Бертье-Делагард А. Л. Древности южной России. Раскопки Херсонеса / А. Л. Бертье-Делагард // Материалы по археологии России. – Санкт-Петербург, 1893. – № 12. – С.54; Домбровский О. И. Херсонесская коллекция. – С.77).

⁸¹ Ousterhout R. Master builders. – P.86-127.

⁸² К примеру, см.: Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса / Л. А. Голофаст, С. Г. Рыжов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып.10. – 2003. – С.185, 190.